

Дмитрий Сергеевич БАХАРЕВ¹
Елена Михайловна ГЛАВАЦКАЯ²

УДК 2-9(470.54-25)''19''

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАНДШАФТ ЕКАТЕРИНБУРГА (СВЕРДЛОВСКА) В 1917-1941 ГГ.: ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

¹ научный сотрудник,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
dmitry.bakharev@urfu.ru

² доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург);
профессор кафедры археологии и этнологии,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
elena.glavatskaya@urfu.ru

Аннотация

Исследование посвящено изучению истории Русской православной церкви в Екатеринбурге (Свердловске) в 1917-1941 гг. Именно в этот период советское государство осуществляло наиболее комплексное наступление на религию, закрывая культовые объекты и уничтожая приходские организации. Работа выполнена в русле концепции религиозного ландшафта, т. е. имеет в качестве объекта исследования религиозную ситуацию в определенном месте и в определенное время, составляющими которой являются материальные и нематериальные маркеры присутствия религии в пространстве. В данном случае в роли такой ситуации выступает регрессирующий православный ландшафт Екатеринбурга (Свердловска) довоенного времени. В качестве отслеживаемых компонентов были использованы количество богослужбных зданий, численность прихожан и частота совершения повседневных религиозных обрядов. Существующая

Цитирование: Бахарев Д. С. Православный ландшафт Екатеринбурга (Свердловска) в 1917-1941 гг.: историко-статистический анализ / Д. С. Бахарев, Е. М. Главацкая // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Том 5. № 2. С. 133-152.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-133-152

историография, рассматривая этот период как часть истории РПЦ в XX в., практически не касается проблемы сжатия православного присутствия в обществе в статистическом измерении. В ходе исследования была реконструирована динамика православного ландшафта Екатеринбурга (Свердловска), предложена периодизация феномена, дана характеристика и объяснение каждого этапа. Источником выступили статистические и делопроизводственные материалы из местных архивов, а методами — историко-динамический, статистический и историко-антропологический. В результате проведенного исследования сделан вывод о закономерном характере антирелигиозных мер, принимавшихся большевиками вплоть до конца 1920-х гг., если их рассматривать в контексте процесса глобальной европейской секуляризации. Полученные данные дают основание выдвинуть гипотезу о слабом эффекте большевистских агитационных мер относительно православного «актива» (около 25% населения города и окрестностей) вплоть до середины 1930-х гг. Возможно, именно эта группа верующих стала средой сохранения православия в условиях антирелигиозной политики, а затем — возрождения после ее ослабления.

Ключевые слова

Православный ландшафт, религия в СССР, атеизм, история Русской православной церкви, антирелигиозная политика, православный ландшафт Урала, закрытие храмов, история Екатеринбурга.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-133-152

Введение

Одним из важных последствий Революции 1917 г. стало кардинальное изменение положения религии в государстве. Русская православная церковь (далее — РПЦ), будучи доминирующей конфессией в стране, пострадала более других — она не только утратила статус носителя официального вероисповедания империи, но и оказалась объектом репрессий со стороны новых властей. В ходе реализации советской антирелигиозной политики происходило как физическое уничтожение священников, активных мирян, приходских организаций и самих церковных зданий, так и вытеснение нематериальной составляющей религии из жизни людей — ценностей, проповедуемых церковью, традиционной обрядности и бытовых религиозных практик. При этом антицерковная политика большевиков, отличаясь жесткими методами, во многом «оседлала» уже протекавшие независимо от нее процессы секуляризации и модернизации общества, подстегнув их за счет административного выдавливания религии из повседневной жизни. Главными мерами в этом направлении являлись, по нашему мнению, сужение социально значимых зон контакта между гражданином и церковью до минимума и уничтожение культовой архитектуры, которая отражала место православия в жизни общества и являлась пространством для социализации. Реализация этого подхода властей прослежена нами на примере довоенного Екатеринбурга (Свердловска), ключевого города Урала. Екатеринбургская

(Свердловская) епархия была не только территорией противостояния сторонников и противников обновления церкви, характерного для всей страны, но и колыбелью еще одного раскола — Григорианского, еще более ослабившего институт церкви и религиозность населения. Вместе с традиционным для Урала заводским скептицизмом по отношению к религии это стало причиной того, что разрушение храмов, инициированное властями, приняло здесь катастрофический масштаб.

Несмотря на то, что история Екатеринбургской епархии, жизнь отдельных приходов и священнослужителей не раз становились объектом внимания историков [8, 25], попыток провести статистический и пространственный анализ политики советской власти по разрушению городского православного ландшафта пока не предпринималось, за исключением единственной работы авторов данной статьи [9]. В настоящем исследовании, однако, мы рассматриваем не только совокупность богослужебных зданий Русской церкви, являвшихся маркерами православного ландшафта в городе, но и число прихожан РПЦ в Екатеринбурге (Свердловске) за 1917-1941 гг., чьи духовные потребности он был призван удовлетворять. Соответственно, в задачи данного исследования входит анализ изменений числа православных богослужебных зданий¹ Екатеринбурга (Свердловска), оценка численности прихожан Русской церкви и масштабов сохранения официальной православной практики при проведении обрядов жизненного цикла. В качестве источников были использованы опубликованные статистические данные и делопроизводственные материалы из фондов местных архивов. Исследование выполнено в русле концепции религиозного ландшафта, методика работы включала историко-динамический, статистический и историко-антропологический методы.

Административная секуляризация (1917-1922)

Екатеринбург, с 1885 г. бывший центром одноименной епархии, накануне революционных потрясений 1917 г. представлял собой город с чрезвычайно развитым православным ландшафтом. По данным на 1913 г., более 90% горожан исповедовало православие [35]. На территории города² находилось 30 богослужебных зданий³ РПЦ, в том числе 5 приходских церквей, 3 собора и храмовый комплекс женского монастыря I класса, включавший 5 церквей и собор. При этом 5 домовых церквей были построены уже в начале XX в. Таким образом, внешне перед Революцией РПЦ в Екатеринбурге переживала даже некоторый подъем: помимо строительства храмов широкое развитие получили

¹ В данном случае рассмотрены только православные храмы, без учета единоверческих и старообрядческих.

² Включая Верх-Исетский завод.

³ Исследование учитывает богослужебные объекты, в том числе домовые и приписные храмы и часовни, в тогдашних границах города и не включает единоверческие церкви и старообрядческие часовни. Число богослужебных зданий реконструировано по [8, 10, 24, 30, 34, 38].

православные церковно-гражданские ассоциации, в частности трезвенное движение (низовое) и православное братство во имя прав. Симеона Верхотурского (элитное) [17].

Однако уже после Февральской революции положение РПЦ изменилось коренным образом. Согласно постановлениям Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и «О свободе совести», русское православие утратило положение официального государственного вероисповедания, превратившись в рядовую конфессию. Уже в это время на Урале было отмечено ухудшение финансового обеспечения причта, фиксировались случаи захвата церковных земель и изгнания мирянами неугодных клириков. При этом многие клирики приветствовали революцию, считая, что она поспособствует внутренним преобразованиям в самой церкви и оживлению духовной жизни в стране. Эти взгляды в полной мере были выражены на съездах уральского духовенства весной-летом 1917 г. [5, с. 15]. Позднее, наблюдая отход широких масс населения от религии, представители церкви начали склоняться к более консервативным взглядам, встав на позицию возвращения православию особого положения в стране. Их ожиданиям не суждено было сбыться: после Октябрьской революции Русская церковь из рядового гражданского союза превратилась в объект классовой борьбы. Общие антирелигиозные настроения большевиков, а также бушевавшая Гражданская война, в ходе которой православное духовенство часто выказывало симпатии Белому движению, привели к тому, что уже в 1918-1919 гг. на Урале до занятия его «белыми», по подсчетам М. В. Булавина, в ходе большевистского террора было убито 150 клириков и монахов Русской церкви [5, с. 15-16]. Кульминацией враждебных государственно-конфессиональных отношений этого периода стала кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г.

В этот краткий постреволюционный период правительством страны были предприняты важнейшие шаги в деле борьбы с церковью. Уже спустя несколько месяцев после Октябрьской революции ВЦИК и СНК издали декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», «О расторжении брака» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Главным следствием этих документов стало снятие с конфессий обязанности вести метрические книги. Отныне эта функция переходила в органы ЗАГС, а приходские метрики должны были быть переданы в их архивы. Из-за Гражданской войны, охватившей и Урал, на полноценную реализацию этой меры в Екатеринбурге ушло почти полтора года, в течение которых люди продолжали регистрировать акты гражданского состояния в церквях, а священники — вести метрические книги [9, с. 343-344]. Хотя эта мера одновременно снимала со священников массу тяготивших их обязанностей, признание церковных обрядов частным делом и возможность регистрировать рождение, брак и смерть без участия духовенства сужали зону контакта населения и церкви, что постепенно способствовало неуклонной персональной секуляризации.

Вторым, не менее важным последствием стала передача церковно-приходских школ из-под руководства церкви в ведение государства. Эта мера фактически вела к упразднению преподавания основ религии детям (в государственных школах о нем речи, разумеется, даже не шло), что в перспективе подрывало фундамент формирования будущей паствы РПЦ. В рамках этой меры в 1919 г. в городе также были закрыты все домовые церкви, имевшиеся при училищах и гимназиях, и духовные учебные заведения. Кроме того, параллельно в рамках программы закрытия монастырей по всей территории РСФСР в 1920 г. был распущен Ново-Тихвинский женский монастырь. После этого в городе продолжали действовать 22 православных богослужебных здания, включая 6 монастырских церквей [25, с. 46], из которых 4 были закрыты уже в 1921 г. [10].

Таким образом, за короткий период с 1917 по 1922 г. в Екатеринбурге было закрыто более трети (12 из 30) православных богослужебных помещений. Все они являлись либо домовыми храмами при каких-либо светских учреждениях, либо монастырскими церквями. Правительство еще не осмеливалось применять репрессивную политику по отношению к полноценным приходским общинам, хотя уже активно интересовалось по административным каналам количеством храмов в городе, их площадью и числом прихожан [33, л. 1]. Однако закрытие массы домовых храмов фактически означало исчезновение привычного православного присутствия из школ, больниц, богаделен, приютов и тюрем. Эту меру нельзя не признать эффективной, особенно учитывая легкость, с которой она далась властям. Что касается численности православного сообщества города, то она реконструируется с гораздо большим трудом. В имперской статистике традиционно вероисповедный признак отождествлялся с национальным (все великороссы автоматически считались православными). Но реальность расходилась с практикой: действительное число прихожан, зафиксированное в клировых ведомостях, было намного меньше формально считавшегося православным городского большинства (таблица 1).

Таблица 1

**Православное население
Екатеринбурга**

Table 1

**Ekaterinburg's Orthodox
population**

Годы	Учтенное в приходах, чел.	Наличное, чел.	Соотношение, %
1887	5 785	33 213	17,4
1895	14 242	38 445	37,0
1900	12 531	41 582*	30,1
1909	13 549	48 640**	27,9

Примечания: *Реконструировано на основании соседних дат путем экстраполяции.
**Рассчитана 95%-я доля православного населения.

Источник: составлено по [1, 2, 11, 30, 34, 36].

Notes: *Computed according to the adjacent years' data.

**95% share of the Orthodox population.

Source: compiled from [1, 2, 11, 30, 34, 36].

Разумеется, все неучтенные в клировых ведомостях горожане были декларативно православными и по мере необходимости отправляли обряды жизненного цикла в православных церквях. Но, не ведя полной церковной жизни и не участвуя в жизни общины, они не могли учитываться в качестве полноценных членов прихода.

Для реконструкции того же порядка уже для первых постреволюционных лет мы располагаем данными переписи 1920 г. и результатами обследования реальной посещаемости храмов Екатеринбурга также за 1920 г. силами городского исполкома в связи с выполнением декрета «Об отделении церкви от государства». Антирелигиозный курс советской власти коснулся и статистики — вместо вероисповедания в переписи 1920 г. фиксировалась национальность, в связи с чем нами для определения численности «потенциально православного» населения использовано «великорусское» население. Кроме того, выделение старообрядцев и единоверцев в этом случае было уже невозможно, поскольку подавляющее их большинство, являясь этнически русскими, при проведении переписи 1920 г. было зарегистрировано как «великороссы» (таблица 2).

Таблица 2

Table 2

Потенциально православное население Екатеринбурга в 1920 г.

Ekaterinburg Orthodox population in the 1920s

Великорусское население, чел.	Фактическая посещаемость храмов, чел.	Соотношение, %
58 411	15 450	26,5

Источник: составлено по [33, 37].

Source: compiled from [33, 37].

Таким образом, соотношение формального и реального православного общества практически не изменилось с имперских времен. Это лишний раз демонстрирует малую эффективность «штурмового» подхода в деле борьбы с религией, что и было осознано советским правительством уже на следующем этапе. Можно утверждать, что самой эффективной антирелигиозной мерой советской власти в этот период стало изъятие функций регистрации актов гражданского состояния и школьного образования в ведение государства. Эти важнейшие в деле секуляризации шаги сняли с церкви массу обязанностей и высвободили массу сил, но стратегически лишили ее надежд на защиту своих позиций в условиях атеистической пропаганды большевистского государства. В то же время, на наш взгляд, не следует рассматривать «антирелигиозность» советской политики как нечто присущее исключительно советскому государству. Разумеется, большевики нисколько не скрывали своей враждебности по отношению к религии в целом и РПЦ в частности. Это выражалось в административном произволе, экономической и юридической дискриминации, открытом незаконном грабеже церковью и физических репрессиях приверженцев православия. Однако первые институциональные меры большевистской власти, направленные против религии, хоть и отличались жесткостью исполнения, но в своих целях являлись органичной частью глобального секуляризационного

процесса. Так, регистрация обрядов жизненного цикла была изъята из ведения религиозных конфессий во Франции с 1791 г., Греции — с 1856 г., Голландии, Бельгии и Румынии — с 1864 г., Италии — с 1865 г., Испании — с 1870 г., Швейцарии — с 1874 г., Германии — с 1875 г., Венгрии — с 1894 г. Более того, институт гражданской метрификации со второй половины XIX в. существовал и в Российской империи, имея, однако, дискриминационный характер: в полицейских участках и органах местного самоуправления должны были регистрировать обряды жизненного цикла старообрядцы, баптисты, «сектанты» и представители других конфессий, чьи вероучения и духовенство не вызывали у имперских властей доверия [3, с. 41-47]. В российском сообществе юристов также было довольно широко распространено мнение о необходимости ввода всеобщей гражданской метрификации, что отразилось даже в учебной литературе того времени [40, с. 85-87]. Что касается отделения сферы образования от религиозных организаций, то в странах континентальной Европы этот процесс протекал весь XIX в., к концу которого, например, во Франции и Германии религиозные организации практически полностью были отстранены от сферы школьного образования [12, с. 118-120]. В Российской империи расцвет системы церковно-приходских школ пришелся на 1880-1890-е гг., когда ей покровительствовал всесильный обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев. Но уже в начале XX в. правительство начало отдавать решительное предпочтение земским и муниципальным школам, сократив дотации в пользу церковной школьной системы и число самих приходских школ (с 50 до 38% от общего числа). Лишь личное благоволение Николая II не позволило правительству пойти на более решительные шаги относительно принадлежности церковно-приходских школ [22, с. 23-25]. Фактическую точку в этом вопросе поставило постановление Временного правительства «О передаче всех начальных учебных заведений разных ведомств в ведение Министерства народного просвещения» от 20 июня 1917 г.: из ведения РПЦ были изъяты все церковно-приходские школы, за исключением содержащихся исключительно на средства прихода и школ грамот [15, с. 91-100]. Даже такая резкая мера, как изъятие церковной собственности (с последующей передачей ее конфессиям для бесплатного пользования), уже была реализована во Франции в рамках Закона о разделении церкви и государства 1905 г. [29, с. 33-55]. Таким образом, есть основания рассматривать первоначальные меры советского правительства по отношению к церкви не только как реализацию большевистских программных антирелигиозных установок, но и как продолжение мировой и российской тенденции секуляризации государства и общества (только реализованной не эволюционным, а революционным путем).

Идеологическая осада (1923-1928)

В начале 1920-х гг. молодое советское государство встало на путь восстановления страны после Гражданской войны, ограничив вмешательство в жизнь граждан. Новая экономическая политика, способствовавшая реконструкции народ-

ного хозяйства, сопровождалась так называемым «религиозным НЭПом», в ходе которого власть временно снизила административное давление на религиозные организации с целью умиротворения населения и снятия социальной напряженности [23, с. 203-204]. Резолюция XII Съезда РКП(б), проходившего с 17 по 25 апреля 1923 г., осудила оскорбление чувств верующих и нарочито грубую практику административного произвола в отношении предметов веры и культа. Тем не менее генеральная линия партийного руководства, направленная на изживание религии как устаревшего социального института, не изменилась.

Цель антирелигиозных кампаний этого периода заключалась в убеждении верующих добровольно отказаться от религиозного мировоззрения. Она достигалась, во-первых, дискуссионным путем — оспариванием ценностей, проповедуемых церквями. Еще В. И. Ленин предлагал в качестве ведущего метода антирелигиозной работы привитие населению научно-атеистического мировоззрения. Для этого комсомольские ячейки, например, в Зауралье, регулярно организовывали показательные лекции, чтение докладов, беседы на естественнонаучные антирелигиозные темы, тематические вечера, сопровождавшиеся физическими и химическими опытами; ко всем этим мероприятиям активно привлекали специалистов — инженеров, техников, агрономов, учителей [26, с. 192-193]. Помимо научного профиля атеистическая пропаганда имела и художественный — от частушек и стихов до драматических постановок, от антирелигиозного плаката до организации музеев по истории религии [26, с. 194]. Во всех этих произведениях высмеивалась «отсталость» церкви и духовенства и обличался их антисоветский, буржуазный характер. Этот посыл также транслировался советскому человеку через СМИ — именно в 1920-х гг. наблюдался значительный рост числа печатных периодических изданий антирелигиозной тематики («Безбожник», «Безбожник у станка» и т. д.), которые весьма разносторонне и ярко критиковали все проявления религии [27, с. 43-47]. Во-вторых, большое значение придавалось отказу от церковных ритуалов: большинство граждан продолжало отправлять церковные обряды жизненного цикла и отмечать церковные праздники. Необходимость замены традиционной православной обрядности на новую, «красную», обсуждалась в ходе развернувшейся в 1920-х гг. широкой общественной дискуссии [32]. В рамках этого движения определенное распространение получили «красные» крещения («октябрины»), «красные» («комсомольские») свадьбы и «красные» («революционные») похороны. Большевиками была введена масса новых памятных дат: годовщина смерти Ленина, 1 мая, дни Февральской революции, Парижской коммуны, Красной армии и т. д. Кроме того, власти пытались видоизменить старые, уже привычные людям праздники: с 1923 г. по инициативе комсомола во всесоюзном масштабе на праздник Покрова Пресвятой Богородицы стали отмечать День урожая, на Ильин день — День электрификации, с 1925 г. на Троицу — День древонасаждения [26, с. 191]. По замыслу инициаторов в результате должна была сформироваться новая, альтернативная православной, календарная обрядность.

Кроме агитационной линии антирелигиозной политики советского правительства важнейшим ее направлением было институциональное ослабление крупнейшей конфессии СССР — Русской православной церкви. Эта цель достигалась главным образом путем инициации спецслужбами церковных расколов. Главным из них стал обновленческий раскол РПЦ в 1922 г. [23, с. 101-102]. Течение, сложившееся в начале 1900-х гг. в среде духовенства, стремившегося к реформированию церкви, получило поддержку органов ГПУ. Обновленческие иерархи объявили о низложении патриарха Тихона и образовали Высшее церковное управление. Большая часть священников Урала и Екатеринбурга, в смутных условиях ориентируясь на единственную в тот момент реальную власть, поддержала новую структуру. Существенную роль сыграли инертность и запуганность части священнослужителей, давление ГПУ, боязнь лишиться средств к существованию. Таким образом, уже в начале 1923 г. подавляющее число храмов города перешли под юрисдикцию обновленческого ВЦУ — лишь Крестовая архиерейская церковь и единоверческое благочиние города остались верны «староцерковной» иерархии [24, с. 65].

Однако сразу после освобождения из заключения патриарха Тихона летом того же года в России и на Урале началось интенсивное восстановление «староцерковной» иерархии [5, с. 18]. В то же время власти продолжили реализацию программы закрытия храмов, которая в условиях утраты церковного единства не встретила широкого отпора со стороны религиозной общественности. В 1925 г. православный ландшафт города лишился четырех церквей — Успенской Ново-Тихвинского монастыря, Крестовой архиерейской, Николаевской полковой и Никольской при Нуровском приюте [25, с. 46]. Из оставшихся в городе 13 храмов 8, в том числе главные городские соборы, находились под руководством представителей обновленческого духовенства, и только 5 — сторонников «староцерковной» иерархии.

Декабрь 1925 г. ознаменовался новым расколом: после смерти патриарха часть архиереев возмутилась его последним распоряжением, завещавшим управление церковью избранным митрополитам (местоблюстителю престола митрополиту Петру Крутицкому и его заместителю митрополиту Сергию Старгородскому). Новый раскол, также поддержанный ГПУ, возглавил архиепископ Свердловский¹ Григорий (в миру Гавриил Ульянович Яцковский). Новое течение, получившее название «григорианство», хотя и не имело, по мнению исследователей, значительной поддержки среди духовенства и верующих всей страны [19, с. 30-31], оказало большое влияние на текущую религиозную ситуацию в Свердловске, ставшем центром нового раскола. Авторитет архиепископа привлек в новую структуру 3 из 5 «староцерковных» приходов, оставив в подчинении митрополита Сергия лишь 2 — Успенский на ВИЗе и Крестовоздвиженский [19, с. 24-25]. В 1926 и 1927 г. власти закрыли еще 2 храма — Вознесенскую

¹ Екатеринбург в 1924 г. был переименован в Свердловск, соответственно епархия стала именоваться Свердловской.

церковь и Симеоновскую церковь-школу, чудом пережившую кампанию закрытий в предыдущий период [25, с. 204-205]. Оставшиеся в городе 11 церквей оказались разделены между тремя православными течениями: в 5 богослужение проводили сторонники новой иерархии («обновленцы»), в 2 — приверженцы старой иерархии («сергиевцы») и в 4 — сторонники архиепископа Свердловского Григория («григорьевцы») [20, с. 106-107].

Помимо организации расколов большевики, стремясь ослабить РПЦ, активно стимулировали конфессиональную конкуренцию в стране. В Екатеринбурге (Свердловске) эта политика проявилась в виде умеренно-лояльного отношения к мусульманам (на Урале вплоть до 1924 г. продолжали открываться новые мечети), иудеям (в 1920 г. Екатеринбургский совет рабочих и крестьянских депутатов передал иудейской общине сразу три здания в бессрочное и бесплатное пользование) и баптистам (именно в 1920-х гг. стремительно развиваются екатеринбургские общины евангельских христиан).

Таким образом, наступление советской власти на РПЦ в 1920-х гг. характеризовалось именно комплексностью мероприятий. Так, высокую эффективность продемонстрировала практика расколов: институционально разобщенные священнослужители были не в состоянии мобилизовать население на защиту культовых объектов от закрытия. В течение, казалось бы, относительно либерального периода «религиозного НЭПа» было закрыто 7 богослужebных зданий из 18, а оставшиеся 11 были поделены между тремя ветвями православной церкви, две из которых находились под контролем спецслужб. В то же время, как нам кажется, тактика антирелигиозной агитации не показала высокой эффективности. К сожалению, пока не удалось найти в архивах материалы о религиозности населения Екатеринбурга (Свердловска) в 1920-х гг., но мы располагаем приблизительными данными о количестве верующих Свердловского округа Уральской области (без Свердловска), собранными в 1928 г. окружным Союзом безбожников. По их сведениям, в православных общинах разных толков, включая старообрядцев и единоверцев, состояло 120 386 человек [21, л. 181-182]. Учитывая, что по результатам Всесоюзной переписи 1926 г. (также без Свердловска) русское население округа составляло 469 185 человек (подсчитано по [7, с. 128-129]), то соотношение этих чисел составляет 25,7% — практически столько же, сколько и в 1920 г. (таблица 2).

Попытка внедрить в практику гражданский обрядовый комплекс вместо религиозного также не увенчалась успехом. «Красные» обряды остались событиями исключительного порядка, которые практиковали лишь видные коммунисты и члены их семей [32]. Гораздо успешней выглядело конструирование новых социалистических праздников — например, празднование Первой рабочей бытовало в Екатеринбурге еще до Революции, в 1920-х гг. вместе с государственной поддержкой приобретаю широкий размах [18].

По итогам периода частичной либерализации религиозной жизни в СССР разноплановое наступление на религию принесло свои плоды. Несмотря на то, что, судя по всему, властям не удалось добиться резкого снижения числа веру-

ющих в городе и окрестностях, православное сообщество оказалось дезориентировано расколами и агрессивной антирелигиозной агитацией. В Екатеринбурге произошло резкое снижение количества православных богослужебных зданий, духовенство завязло во внутрицерковных раздорах. В этой ситуации произошло отпадение от православия определенного количества верующих, особенно представителей молодого поколения, которое, взрослея в условиях советской городской культуры, уже не было связано с православной традицией.

«Штурм небес» (1929-1941)

Последний период вмещает главный этап разрушения православного ландшафта Екатеринбурга (Свердловска). Со второй половины 1920-х гг. окрепшее государство, в верхушке которого начали преобладать сторонники централизации общественной жизни и «чекистских» методов достижения этой цели, приступило к планомерному сворачиванию либеральной политики как в экономике, так и в идеологии. Кульминацией этого процесса стал циркуляр ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 14 февраля 1929 г. Власти ограничили деятельность общин исключительно религиозной сферой и передали право закрытия церквей местным органам, спровоцировав стихийную кампанию по изъятию церковных зданий на местах. Причины сильнейшего антирелигиозного настроения в регионах, по мнению исследователей, крылись в истерично-возбужденном состоянии общества, традиционном антиклерикализме советского партийного аппарата и стремлении решить инфраструктурные проблемы за счет церковного имущества [6, с. 173-174]. Свою роль также сыграли группы антицерковно настроенных рабочих, эмансипирующаяся молодежь и уже широко распространившаяся к этому времени религиозная индифферентность.

Массовое закрытие храмов в городе затронуло все течения расколовшегося православия. Только за один 1930 г. РПЦ лишилась в Екатеринбурге (Свердловске) 9 из 11 храмов. При этом если в 1920-х гг. власти предпочитали приспособлять церковные здания под общественно полезные нужды, то начиная с 1929 г. ключевые храмы, находившиеся в центре города, просто уничтожались [9, с. 351-352]. Именно такая участь постигла Екатерининский и Богоявленский соборы, Златоустовскую и Александро-Невскую церкви. В результате в городе осталось лишь две кладбищенских церкви: во имя Всех Святых на Михайловском кладбище и Иоанно-Предтеченская на Ивановском. Между тем Всесоюзная перепись 1937 г. не оправдала надежды властей на кардинальное сокращение числа верующих. После двух десятилетий атеистической пропаганды и репрессий в отношении церкви почти 57% взрослого населения страны утвердительно ответили на вопрос, верят ли они в Бога [14, с. 330]. К сожалению, результаты переписи, как известно, были аннулированы, организаторы и регистраторы подверглись репрессиям, а в отношении религии власти инициировали новое наступление. В 1937 г. по стране прокатилась волна массовых арестов и приговоров по сфабрикованным сотрудниками ГПУ делам, в которых многие священнослужители и миряне обвинялись в подпольной антисоветской деятель-

ности. В Свердловской епархии в течение 1937-1938 гг. были расстреляны 7 архиереев разных толков православия, репрессировано более 150 священнослужителей и не менее 500 членов церковных общин [28]. На исходе этой кампании в 1941 г. власти закрыли церковь во имя Всех Святых на Михайловском кладбище [8, с. 474-483], и из 30 действовавших накануне Революции 1917 г. в Екатеринбурге храмов остался только 1.

Таким образом, в рамках последнего довоенного «штурма небес» практически все архитектурные маркеры православного ландшафта Екатеринбурга (Свердловска) были уничтожены. Политика закрытия культовых объектов привела к тому, что к началу Великой Отечественной войны в городе действовала лишь одна Иоанно-Предтеченская церковь, бывшая кладбищенская, в силу обстоятельств получившая статус кафедрального собора. Но физическое уничтожение церквей вовсе не означало исчезновение религии. Даже после самой яростной антирелигиозной кампании 1929-1930 гг. практически все родившиеся в 1933 г. у свердловчан дети были крещены, а 39% умерших — отпеты. Кардинальные изменения произошли лишь в области регистрации церковного брака — только 2,2% новобрачных обвенчались в церкви [13, л. 31]. К сожалению, материалов переписи 1937 г. по Свердловской области, которые могли бы пролить свет на религиозность населения города в конце 1930-х гг., пока найти не удалось, но данные по другим уральским городам [16] позволяют предположить, что многие свердловчане сохранили православное мировоззрение и после 1930-х гг.

Заключение

Всего за два десятилетия властями большевиков прежде богатый екатеринбургский архитектурный православный ландшафт был фактически разрушен. В условиях непримиримой антирелигиозной политики государства значительное сужение церковного присутствия в публичном пространстве было неизбежно, но в Екатеринбурге оно приняло исключительные масштабы из-за религиозной ситуации, характеризовавшейся распространением религиозной индифферентности и церковными расколами. На первом этапе РПЦ была лишена юридических привилегий, вытеснена из светских учреждений, у нее были изъяты образовательные и регистрационные функции. На втором этапе государство, используя существовавшие в церковной среде разногласия, инициировало расколы церкви, усилило антирелигиозную агитацию и дискриминационную политику в отношении РПЦ. Оценивая государственно-конфессиональные отношения до конца 1920-х гг. в контексте общеевропейского исторического процесса, есть основания выдвинуть предположение о закономерности произошедших перемен. Советское государство изымало у религиозных организаций функции, которые во многих христианских странах к тому времени уже давно находились в компетенции гражданских властей. Более того, к этим же мерам склонялось правительство дореволюционной России. В пользу этого тезиса говорит и заметное сходство советского декрета «Об отделении церкви от государства» 1918 г. и французского Закона о разделении церквей и государства 1905 г., который провозглашал скорее радикально светское,

чем откровенно антирелигиозное государство. Например, идеологическая переориентация учебных программ с безрелигиозности на антирелигиозность произошла в советской школе лишь в 1929 г. [39, с. 207-217].

Эта закономерность, однако, нисколько не оправдывает методов большевиков в отношении верующих и культовой архитектуры. Твердо стоя на позициях воинствующего атеизма, они проявляли относительную институциональную терпимость лишь в силу политической необходимости, систематически практикуя насильственные действия в отношении религиозных организаций. Это не согласовывалось ни с нормами общечеловеческой морали, ни с со здравым смыслом, ни даже часто с законодательством СССР. Однако полное разрушение православного ландшафта в довоенном Свердловске не сопровождалось полным исчезновением искренне верующих людей. Это обуславливалось несколькими причинами. Во-первых, одной из них является, как ни парадоксально, разделение государства и церкви. По существующему в историографии мнению, стихийное отпадение от церкви широких масс, фиксировавшееся современниками, в том числе духовенством, начиная с конца XIX в. провоцировалось не столько подлинной секуляризацией сознания, сколько социальным протестом против царской власти, фактически составлявшей с церковью единое целое [4, с. 95-97]. Но после падения самодержавия и укрепления советского режима это противоречие было снято; более того, гонимая Русская церковь приобрела мученический ореол, что привлекло к ней ту часть населения, которая не приняла или разочаровалась в новых порядках. Во-вторых, согласно теории циклической секуляризации, подробно разработанной для российской ситуации в работах Ю. Ю. Синелиной, следом за волной секуляризации неизбежно следует частичное возвращение части населения в лоно традиционной религии, в данном случае — православия [31, с. 226]. Рабоче-крестьянская волна секуляризации, стартовавшая в конце XIX в., должна была повлечь за собой возврат разочарованных в неверии и ищущих духовного опыта людей как раз в предвоенный период истории СССР. В-третьих, не вызывает сомнения существование искренне верующих людей, пронесших свои убеждения сквозь все антирелигиозные кампании властей, пусть и декларативно отрекшись от них. Несмотря на уже широко распространенную в начале XX в. религиозную индифферентность и дискриминационную политику в отношении верующих, в советские годы Русская православная церковь сохранила определенный костяк верующих. Именно эти факторы способствовали сначала сохранению православия в условиях агрессивной антирелигиозной политики, а затем — постепенному возрождению после ее ослабления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь Екатеринбургской епархии за 1887 год. [Екатеринбург], [1887]. [182] с.
2. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1896 год. Пермь, 1895 (обл. 1896). [854] с.

3. Амбарцумов И. В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX — начало XX века) / И. В. Амбарцумов // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 39-113.
4. Андреева Л. А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке / Л. А. Андреева // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 90-100.
5. Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917-1927 гг. (на примере Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. В. Булавин. Екатеринбург, 2000. 21 с.
6. Булавин М. В. Массовые закрытия храмов на Среднем Урале на рубеже 1920-1930-х гг. / М. В. Булавин // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49. С. 171-180.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. С. 93-303.
8. Главацкая Е. М. История Екатеринбургской епархии / Е. М. Главацкая, А. В. Мангилева, И. Л. Манькова и др. Екатеринбург: Сократ, 2010. 552 с.
9. Главацкая Е. М. Религия в ландшафте раннесоветского города: идеи, мифы, смыслы (на примере Екатеринбурга-Свердловска) / Е. М. Главацкая, Д. С. Бахарев, Е. А. Заболотных, Г. Т. Торвальдсен // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сборник научных трудов / под ред. Л. Н. Мазур и др. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2017. С. 340-353.
10. Город в границах 1917 года // Сайт проекта «Храмы России». URL: <http://temples.ru/tree.php?ID=6463> (дата обращения: 30.01.2017).
11. Город Екатеринбург / сост. И. И. Симанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2007. [1269] с. (Репринтное издание по: Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской недели», 1889).
12. Джуринский А. Н. История педагогики: учеб. пособие для студ. педвузов / А. Н. Джуринский. М.: ВЛАДОС, 2000. 432 с.
13. Доклад об итогах работы Свердловского облсовета Союза воинствующих безбожников за первое полугодие 1934 года // Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦД ООСО). Ф. 4. Оп. 12. Д. 227. Л. 28-31.
14. Жиромская В. Б. Отношение населения к религии: по материалам переписи 1937 года / В. Б. Жиромская // Труды Института российской истории РАН. 2000. № 2. С. 324-338.
15. Житенев Т. Е. Церковноприходские школы в политике Временного правительства / Т. Е. Житенев // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. № 4 (17). С. 91-100.
16. Журавлева В. А. Отношение к религии городского населения Урала (по предварительным итогам Всесоюзной переписи населения 1937 г.) / В. А. Журавлева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 8 (184). С. 11-14.
17. История епархии до 1917 года // Официальный сайт Екатеринбургской епархии. URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/history/before1917/> (дата обращения: 18.07.2018).
18. Казанцева Ю. В. Первомайские праздники на Урале в годы НЭПа / Ю. В. Казанцева // Культура на Урале в XVI-XXI вв.: исторический опыт

- и современность. Книга вторая: материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию профессора В. Г. Чуфарова (Екатеринбург, 22 февраля 2008 г.). Екатеринбург, 2008. С. 365-370.
19. Каплин П. В. Григорианский раскол на Урале в 1926-1938 гг. / П. В. Каплин // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург, 2004. Выпуск 4. С. 22-32.
 20. Ковалева И. И. Представленные во ВЦИК списки церквей, религиозных общин и молитвенных зданий городов России второй половины 1920-х годов / И. И. Ковалева, А. Е. Буйских // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Выпуск 2 (69). С. 101-152. DOI: 10.15382/sturII201669.101-154
 21. Краткий отчет о работе Свердловского окружного Союза безбожников. С 1-го января 1928 г. по 1-е октября 1928 г. // Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦД ООСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1559. Л. 181-184.
 22. Крутицкая Е. В. Церковно-приходские школы России в конце XIX — начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Крутицкая. М.: Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, 2004. 31 с.
 23. Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.) / И. А. Курляндский. М.: Кучково поле, 2011. 720 с.
 24. Лавринов В. В. Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви в 1920-е — 1940-е годы (на материалах Урала): дис. ... канд. ист. наук / В. В. Лавринов. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2009. 199 с.
 25. Лавринов В., протоиерей. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы / В. Лавринов. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 336 с.
 26. Мавлютова З. Ш. Борьба советской власти с религиозным сознанием населения Зауралья в 1920-е гг. / З. Ш. Мавлютова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 191-195.
 27. Метель А. В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919-1941 гг.) / А. В. Метель // Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 43-47.
 28. Новая и новейшая история епархии // Официальный сайт Екатеринбургской епархии. URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/history/after1917/> (дата обращения: 03.04.2018).
 29. Понкин И. В. Светскость государства / И. В. Понкин. М.: Изд-во Учебно-научного центра довузовского образования, 2004. 466 с.
 30. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Братство св. праведного Симеона, 1902. 647 с.
 31. Синелина Ю. Ю. О характере процесса секуляризации в России / Ю. Ю. Синелина // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 220-227.
 32. Соколова А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!». Эволюция похоронного обряда в советской России / А. Соколова // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/5/nelzya-nelzya-novyh-lyudey-horonit-po-staromu> (дата обращения: 03.06.2018).
 33. Список церквей и храмов, находящихся в городе Екатеринбурге // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 139. Л. 1-6.
 34. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год. Екатеринбург, 1909. 299 с.

35. Статистика населения жителей города Екатеринбурга по адресному столу к I-му январю 1913 года // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 154.
36. Статистический ежегодник России. 1909 г. (Год шестой). СПб., 1910. 2, VIII, CLXXXII, 476 с.
37. Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург, 1923. VIII, 226 с.
38. Храмы и их святыни. Екатеринбург / сост. П. В. Бижова, под ред. свящ. И. А. Никулина, А. С. Дубровского. Екатеринбург: Приход собора святой великомученицы Екатерины, 2015. 80 с.
39. Шевченко В. А. Советская школа: переход от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному (1927-1929 гг.) / В. А. Шевченко // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 207-217.
40. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. М.: Издание бр. Башмаковых, 1911. 858 с.

Dmitry S. BAKHAREV¹
Elena M. GLAVATSKAYA²

UDC 2-9(470.54-25)“19”

**THE ORTHODOX LANDSCAPE IN EKATERINBURG
(SVERDLOVSK) BEFORE THE WORD WAR II: HISTORICAL
AND STATISTICAL ANALYSIS**

¹ Researcher, Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)
dmitry.bakharev@urfu.ru

² Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher, Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg);
Professor, Department of Archeology and Ethnology,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)
elena.glavatskaya@urfu.ru

Abstract

This article focuses on the decline of the Russian Orthodox Church landscape during the period 1917-1941 in one of the key Russian provincial cities — Ekaterinburg (named Sverdlovsk in 1924). It was during this period that the Soviet state carried out the most comprehensive attacks on religion, closing churches, destroying religious organizations and their buildings as well as persecuting religious leaders. We use the “religious landscape” concept to analyze the evolution of the religious situation in the city. However, we studied not only the main markers of religion in Ekaterinburg, but also the number of parishioners and the frequency of everyday religious rites. The study is based on documents extracted from the local archives and statistical aggregates. This allowed us to reconstruct the decline of the Orthodox landscape and its main features in three different periods between 1917 and 1941. We argue that the Bolsheviks’ anti-religious measures in the 1920s should be considered as part of the general European secularization, which started before 1917. The data obtained give grounds to put forward a hypothesis about the weak effect of the Bolsheviks’ measures regarding the

Citation: Bakharev D. S., Glavatskaya E. M. 2019. “The Orthodox landscape in Ekaterinburg (Sverdlovsk) before the World War II: historical and statistical analysis”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 5, no 2, pp. 133-152.
DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-133-152

Orthodox Church nucleus — its active parishioners, for about 25% of the city's population kept practicing the main religious rites until the mid-1930s.

Keywords

Orthodox landscape, religion in the USSR, atheism, the history of the Russian Orthodox Church, anti-religious policy, the Orthodox landscape of the Urals, secularization, the history of Ekaterinburg.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-133-152

REFERENCES

1. Ekaterinburg Diocese. 1887. The Address-Calendar for 1887. Ekaterinburg. [In Russian]
2. Tipo-litografiya Permskogo Gubernskogo Pravleniya. 1895. The Address-Calendar and a Memorial Book of the Perm Governorate in 1896. Perm: Tipo-litografiya Permskogo Gubernskogo Pravleniya. [In Russian]
3. Ambartsumov I. V. 2013. "Problems and Collisions of Marriage Law in the Russian Empire (Late 19th — Early 20th Centuries)". *Christian Reading*, no 1, pp. 39-113. [In Russian]
4. Andreeva L. A. 2003. "Process of Dechristianization and Formation of Quasi Religious Consciousness in Russia at the 20th Century". *Social Sciences and Contemporary World*, no 1, pp. 90-100. [In Russian]
5. Bulavin M. V. 2000. "The Relationship of the Government and the Orthodox Church in Russia in 1917-1927 years (on the example of the Urals)". Cand. Sci. (Hist.) diss. Ekaterinburg: Ural State University. [In Russian]
6. Bulavin M. V. 2007. "Large-Scale Church Shutdowns on the Middle Urals at the turn of the 1920s-1930s". *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, no 49, pp. 171-180. [In Russian]
7. Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie SSSR. 1928. All-Union Population Census of 1926. Ural Province. Section 1, pp. 93-303. Moscow: Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie SSSR. [In Russian]
8. Glavatskaya E. M., Mangileva A. V., Mankova I. L., et al. 2010. *The History of the Ekaterinburg Diocese*. Ekaterinburg: Sokrat. [In Russian]
9. Glavatskaya E. M., Bakharev D. S., Zabolotnykh E. A., Torvaldsen G. T. 2017. "Religion in the Landscape of an Early Soviet City: Ideas, Myths, and Meanings (the Case of Ekaterinburg-Sverdlovsk)". In: Mazur L. N. (eds). 2017. *The Epoch of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths, and Programs of Social Transformation: A Collection of Scientific Works*, pp. 340-353. Ekaterinburg: Ural Federal University. [In Russian]
10. Khramy Rossii. "The City within the Boundaries of 1917. Accessed 30 January 2017. URL: <http://temples.ru/tree.php?ID=6463> [In Russian]
11. Simanov I. I. (ed.). 2007. *Ekaterinburg City*. Ekaterinburg: Uralskiy rabochiy (1889 reprint edition of: Ekaterinburg: Tip: "Ekaterinburgskoy nedeli"). [In Russian]
12. Dzhurinskiy A. N. 2000. *The History of Pedagogy: textbook for Students of Higher Educational Institutions*. Moscow: VLADOS. [In Russian]

13. The 1934 Six-Monthly Report of Sverdlovsk Regional Council of the League of Militant Atheists. Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (DC POSR). F. 4. Op. 12. D. 227. L. 28-31. [In Russian]
14. Zhiromskaya V. B. 2000. "Attitude of population to religion: according to the 1937 census data. Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN, no 2, pp. 324-338. [In Russian]
15. Zhitenev T. E. 2014. "Parochial school in the politics of the provisional government". Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev, no 3 (16), pp. 91-100. [In Russian]
16. Zhuravleva V. A. 2010. "The attitude of the ural city population towards religion (according to the preliminary results of the all-union population census in 1937)". Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Humanitarian Sciences", no 8 (184), pp. 11-14. [In Russian]
17. Ekaterinburgskaya eparkhiya. "The History of the Ekaterinburg Diocese before 1917". URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/history/before1917/>. [In Russian]
18. Kazantseva Yu. V. 2008. "May-Day Celebrations in the Urals during Years of New Economic Policy". Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Professor V. G. Chufarov. (22 February 2008, Ekaterinburg.). Book 2. "Culture in the Urals in the 16th-21st centuries: historical experience and modernity", pp. 365-370. Ekaterinburg. [In Russian]
19. Kaplin P. V. 2004. "Gregorian Church Dissent in the Urals in 1926-1938. Document. Archive. History. Modernity: Collection of Scientific Papers, vol. 4, pp. 22-32. [In Russian]
20. Kovaleva I. I., Buyskih A. E. 2016. "The lists of churches, religious Communities, and places of worship in the towns of Russia in the second Half of the 1920s presented to the All-Russian Central Executive Committee". St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History, no 2 (69), pp. 101-152. DOI: 10.15382/sturII201669.101-154 [In Russian]
21. Short Progress Report of the Sverdlovsk Provincial League of Militant Atheists From 1 January 1928 to 1 October 1928. Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk Region (DC POSR). F. 6. Op. 1. D. 1559. L. 181-184. [In Russian]
22. Krutitskaya E. V. 2004. "Parochial Schools in Russia in the late 19th — early 20th centuries". Cand. Sci. (Hist.) diss. abstract. Moscow: Sholokhov Moscow State University for the Humanities. [In Russian]
23. Kurlyandskiy I. A. 2011. Stalin, Power, Religion (religious and ecclesiastical factors in the internal politics of the Soviet State in 1922-1953). Moscow: Kuchkovo pole. [In Russian]
24. Lavrinov V. V. 2009. "The renewal schism in the Russian Orthodox Church in the 1920s-1940s (on the materials of the Urals)". Cand. Sci. (Hist.) diss. Ekaterinburg: Ural State University. [In Russian]
25. Lavrinov V. 2001. Ekaterinburg Diocese. Events. People. Churches. Ekaterinburg: Ural State University. [In Russian]
26. Mavlyutova Z. Sh. 2011. "Struggle of the Soviet power with religious consciousness of the transurals population in the 1920s". Vestnik archeologii, antropologii i etnografii, no 1 (14), pp. 191-195. [In Russian]
27. Metel A. V. 2013. "Formation of the anti-religious periodical press in the USSR (1919-1941)". Herald of Omsk University, no 1, pp. 43-47. [In Russian]
28. Ekaterinburgskaya eparkhiya. "Modern and Contemporary History of the Ekaterinburg Diocese". Accessed 3 April 2018. URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/history/after1917/>. [In Russian]

29. Ponkin I. V. 2004. Secularism of a State. Moscow: Izdatelstvo Uchebno-nauchnogo tsentra dovuzovskogo obrazovaniya. [In Russian]
30. Bratstvo sv. pravednogo Simeona. 1902. Parishes and Churches of the Ekaterinburg Diocese. Ekaterinburg: Bratstvo sv. pravednogo Simeona. [In Russian]
31. Sinelina Yu. Yu. 2002. "On the nature of the secularization process in Russia". Problems of philosophy, no 12, pp. 220-227. [In Russian]
32. Sokolova A. 2013. "New People Should Not Be Buried in the Old Way! Otechestvennye zapiski, no 5 (56). Accessed 3 June 2018. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/5/nelzya-nelzya-novyh-lyudey-horonit-po-staromu>. [In Russian]
33. The List of Churches and Temples in Ekaterinburg. State Archive of the Sverdlovsk Region. F. R-511. Op. 1. D. 139. L. 1–6. [In Russian]
34. Srebryanskiy P. P. et al. (eds.) 1909. Reference Book of the Ekaterinburg Diocese of 1909]. Ekaterinburg: Tipografiya A. M. Zhukova. [In Russian]
35. Statistics of the Register-Office about Ekaterinburg Population on 1 January 1913. State Archive of the Sverdlovsk Region. F. 62. Op. 1. D. 524. L. 154. [In Russian]
36. Tsentral'nyy Statisticheskyy Komitet MVD. 1909. Yearbook of Russia of 1909. (6th year). 1910. 2, VIII, CLXXXII, Saint Petersburg: Tsentral'nyy Statisticheskyy Komitet MVD. [In Russian]
37. Ekaterinburgskoe gubernskoe statisticheskoe byuro. 1923. Statistical Book of the Ekaterinburg Province of 1922. Ekaterinburg: Ekaterinburgskoe gubernskoe statisticheskoe byuro. [In Russian]
38. Bizhova P. V., Nikulin I. A., Dubrovskiy A. S. (eds.). 2010. The Churches and Their Relics. Ekaterinburg: Prikhod sobora svyatoy velikomuchenitsy Ekateriny. [In Russian]
39. Shevchenko V. A. 2007. "Soviet School: transition from non-religious education to anti-religious one (1927–1929)". The New Historical Bulletin, no 2 (16), pp. 207-217. [In Russian]
40. Shershenevich G. F. 1911. A textbook of the Russian Civil Law. Moscow: Izdanie br. Bashmakovykh. [In Russian]